

ББК 63.442.7(253.3)

Я.Е. Лукерина

Начальный этап изучения сопроводительных захоронений лошадей из Пазырыкских курганов*

Ya.E. Lukerina

The Initial Stage in Studying Accompanying Burial Places of Horses from the Pazyryk Barrows

Начальный этап истории изучения сопроводительных захоронений лошадей в Пазырыкских курганах связан с деятельностью таких известных археологов, как В.В. Радлов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко и С.В. Киселев, а начиная с 1936 г. и археozoологов С.В. Афанасьева, В.О. Витта и В.И. Цалкина.

Ключевые слова: история изучения, лошадь, хозяйство, реконструкция, раскопки.

The initial stage in studying accompanying burial places of horses in the Pazyryk barrows was connected with activity of such well-known archeologists as V.V. Radlov, M.P. Gryaznov, S.I. Rudenko and S.V. Kiselev, and since 1936 it was connected with zooarcheologists S.V. Afanasyev, V.O. Vitt and V.I. Tsalkin.

Key words: history of studying, horse, economy, reconstruction, excavation.

Одним из наиболее ярких и своеобразных проявлений кочевой цивилизации является культура населения Алтая скифо-сакского времени. Именно в этот период формируется яйлажно-горнодолинный тип ведения хозяйства, в котором важная роль принадлежала лошади [1, с. 61].

Изменения в образе жизни древних людей нашли отражение в реализации погребального обряда. Одной из его особенностей стало сопроводительное захоронение коней [2, с. 144]. Первые открытия и исследования таких курганов относятся ко второй половине XIX в. По поручению Императорской археологической комиссии научные исследования памятников на Алтае производил В.В. Радлов. Так, в 1865 г. им были раскопаны Катандинский и Берельский курганы, которые позднее были отнесены к объектам пазырыкской культуры. Результаты своих исследований на русском языке ученый изложил в «Записках Императорского Русского археологического общества», выпущенных в 1895 г. [3, с. 19].

Особое место в творчестве В.В. Радлова занимала реконструкция жизнедеятельности древних кочевников. В процессе такой работы исследователь, кроме археологических данных, широко использовал этнографические, лингвистические, фольклорные источники и китайские хроники. Отдельный интерес у него вызвал факт обнаружения большого количества скелетов лошадей в Берельском кургане [4, с. 471]. Учитывая имеющиеся материалы, а также увиденные наскальные рисунки, на которых изображены

«...исключительно всадники и нет ни одного пешего», В.В. Радлов пришел к выводу, что древние племена были кочевниками. По мнению ученого, основным занятием являлось скотоводство: они разводили не только лошадей, но и овец, коз, крупный рогатый скот и верблюдов [4, с. 473]. В.В. Радлов также указал, что кони являлись признаком социального статуса погребенного, поскольку «...множество лошадей захоронены в богатых могилах» [2, с. 32]. Он одним из первых использовал комплексный подход при реконструкции жизнедеятельности народов Центральной Азии [4, с. 473].

Систематическое научное изучение скифо-сакского периода в истории Алтая началось с 20-х гг. XX в. Огромная роль в этом процессе принадлежит трем выдающимся археологам того времени – С.И. Руденко, С.В. Киселеву и М.П. Грязнову [3, с. 26].

Летом 1927 г. отряд М.П. Грязнова (начальник экспедиции – С.И. Руденко) раскопал большой каменный курган в урочище Шиббе, в долине р. Урсул (Центральный Алтай). В северной части могилы было обнаружено захоронение 14 лошадей. По результатам изысканий археолог опубликовал краткое сообщение в 1928 г. в журнале «Человек» [5, с. 217–219]. В 1970–1980-е гг. детальным изучением обнаруженного материала из Шибинского кургана занималась сотрудница Государственного Эрмитажа Л.Л. Баркова. В серии своих статей она рассматривала вопросы датировки памятника, а также привела информацию о конских захоронениях [6, с. 37–44].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней Древности и Средневековья» (шифр 2010-1.2.1.-300-028-022).

В 1929 г. Алтайская экспедиция Этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко начала изучение Первого Пазырыкского кургана, который раскапывал непосредственно М.П. Грязнов. Памятник располагался в урочище Пазырык на р. Улаган в восточной части Алтая. В северной части могильной ямы было захоронено в ряд 10 золотисто-рыжих верховых коней, «...убитых ударами острого бронзового молотка в лоб». Сверху каждого жеребца был уложен полный комплект снаряжения [7, с. 12]. Результаты исследований М.П. Грязнов опубликовал в нескольких статьях и монографии «Раскопки княжеской могилы на Алтае» [6], «Пазырыкское княжеское погребение на Алтае» [8], «Пазырыкский курган» [7], «Первый Пазырыкский курган» [9].

При публикации обнаруженного материала особое внимание археолог уделил рассмотрению вопроса хозяйственной деятельности пазырыкских племен. По мнению М.П. Грязнова, нет сомнений, что ведущей отраслью хозяйства ранних кочевников было скотоводство. Он отмечал, что в могилах основных слоев населения были захоронены «...маленькие, большеголовые, грубокостные лошади типа современной монгольской», а в погребении вождя – верховые кони с сухой, горбоносой головой, с длинной шеей, короткой спиной, высокой холкой и длинными ногами. Исследователь обратил внимание на рыжую и гнедую масти этих животных, а также предположил, что для них создавались особые условия. Животные из рядовых погребений были белой масти [9, с. 50–51].

Необходимо отметить, что М.П. Грязнов находился под влиянием стадиальной теории Н.Я. Марра и пытался обнаружить следы тотемизма у скотоводов Алтая. На основе изучения лингвистических материалов Н.Я. Марр считал, что первым верховым животным был северный олень, со временем утративший свое первоначальное значение [7, с. 21]. Но в погребальном обряде он «...продолжает играть свою роль», поэтому в Пазырыкском кургане «...погребен конь, которому с помощью маски передан вид оленя» [7, с. 85].

Изучение особенностей меток на ушах лошадей (как знак собственности) и отсутствие одинаковых дало М.П. Грязнову основание предполагать, что у «пазырыкцев» существовала частная собственность. И эти кони были собственностью разных владельцев, а «не погребенного в кургане лица» [9, с. 67–69]. Исследователь считал, что захоронения коней отражают в себе структурное деление племен. Исходя из этого им было установлено число родов, вожди которых похоронены на курганах Пазырыка (10), Берели (16) и Шибе (14) [9, с. 69–70].

Археологические раскопки Первого Пазырыкского кургана стали одним из важных событий в сибирской археологии первой половины XX в., поскольку был получен удивительный по содержанию и огромный

по количеству научный материал мирового значения [3, с. 43].

В 1930 г. исследования на Алтае предпринял виднейший археолог середины XX в. Сергей Владимирович Киселев [10, с. 69–70]. Возглавляя Алтайскую археологическую экспедицию Государственного исторического музея, ученый в течение двух лет (1930–1932 гг.) исследовал земляные курганы скифо-сакского времени в долине Урсула [11, с. 53]. С.В. Киселев, как и его предшественники, указал, что племена скифской эпохи были кочевниками. Это, по его мнению, накладывало отпечаток на различные стороны жизни древних номадов, в том числе и на погребальный культ. Основной формой погребения «...оставалось захоронение человека вместе с конем в полной седельной сбруе». В состав стада входили лошади, овцы, быки, домашние яки, козы и верблюды. С.В. Киселев отмечал необходимость изучения обнаруженных костей животных для реконструкции их внешнего вида, но тогда еще «...не нашел для этого палеозоолога» [10, с. 510]. Позже эти остеологические материалы будет изучать В.И. Цалкин.

В 1936 г. вышла первая археозоологическая работа С.В. Афанасьева, посвященная анализу лошадей из Первого Пазырыкского кургана. Изучив коллекцию черепов, исследователь пришел к выводу о разведении на Алтае помесей различных пород. При этом он считал, что мелкая приземистая лошадь с высотой в холке 130–135 см, напоминавшая современную монгольскую, – это местная порода, а тонконогая лошадь верхового склада – порода чужеземная, ввозимая на Алтай из Средней Азии. Продуктом их смешения были кони ростом 136–144 см и менее [12, с. 177].

Годом позже вышла статья В.О. Витта «Лошадь древнего Востока», посвященная исследованию скелетов и черепов лошадей из Первого Пазырыкского кургана. Акцентируя внимание на отдельных выдающихся экземплярах коней, ипполог выдвинул гипотезу, согласно которой эти животные «...попали к скифскому вождю торговыми путями или как военная добыча», но также отмечал «...как исключение, возможность выращивания молодняка этой породы на месте» [12, с. 170].

В 1947 г. Алтайской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством С.И. Руденко были продолжены исследования группы «царских» курганов в долине Улагана и раскопан Второй Пазырыкский курган. В 1948 г. экспедиция С.И. Руденко приступила к раскопкам Третьего и Четвертого, а в 1949 г. – Пятого, Шестого, Седьмого и Восьмого Пазырыкских курганов. Остеологические материалы из этих объектов изучались В.О. Виттом, который принимал непосредственное участие в раскопках Пятого и Шестого курганов [13, с. 25].

Вслед за вскрытием больших курганов в урочище Пазырык в 1920 и 1940 гг. последовали не менее мас-

штабные исследования других могильников в долине Урсула в 1950 и 1954 гг. С.И. Руденко осуществлял раскопки на памятниках Башадар и Туэкта [13, с. 170].

Все полученные данные из могильников пазырыкской культуры ученый отразил в серии статей и монографий, среди которых «Второй Пазырыкский курган» [14], «Пятый Пазырыкский курган» [15, с. 106–116], «Горноалтайские находки и скифы» [13], «Культура населения Горного Алтая в скифское время» [16], «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» [17] и др.

Пазырыкские курганы дали совершенно уникальный для того времени материал. В работах разных лет С.И. Руденко обобщил материал в культурно-историческом аспекте с привлечением этнографических данных из жизни различных пастушеских народов России (восточных казахов, киргизов, алтайцев) [18, с. 76].

Подробному анализу подвергались различные аспекты жизнедеятельности «пазырыкцев», включая хозяйство. С.И. Руденко отмечал огромное значение коня, что подтверждалось обязательным его захоронением «...во всех могилах, независимо от пола, возраста и социального положения» [13, с. 33]. Лошадь служила не только средством передвижения, ее молоко и мясо употребляли в пищу [13, с. 24]. Чаще всего для реализации погребального обряда использовались верховые кони, но встречались и упряжные. В состав стада, помимо лошадей, входили также овцы и крупный рогатый скот. Ученый считал, что древнее население вело подвижный образ жизни, поэтому у них «...должны были быть отдельные зимовники и летники, а может быть, осенники и весенники» [13, с. 56].

В работе 1960 г. С.И. Руденко критикует выводы М.П. Грязнова, считая, что материалы «...не дают оснований видеть в погребенном инвентаре вещи, дарованные, а не принадлежащие умершим, тем более приписывать феодальные отношения обществу горноалтайских племен». По мнению исследователя, захороненные верховые кони принадлежали исключительно умершему, а разные метки на ушах лошадей свидетельствовали лишь о том, что они могли иметь когда-то разных хозяев. С.И. Руденко также обратил внимание на однотипность конского снаряжения и отдельные его элементы, которые неоднократно чинились. По его мнению, это исключало вывод М.П. Грязнова о том, что они изготовлялись специально для погребения и приносились в дар умершему вождю [17, с. 239].

По предложению Сергея Ивановича, в 1950-е гг. были доисследованы большие курганы, ранее раскопанные В.В. Радловым [19, с. 76]. Отсутствие захоронений коней в Катанде выделяло этот курган из общей группы больших алтайских захоронений и послужило поводом для сопоставления с хуннскими погребениями в Северной Монголии. В 1954 г.

А.А. Гаврилова в составе Горно-Алтайской экспедиции ИИМК и Государственного Эрмитажа обнаружила между северными стенками погребальной камеры и могильной ямы 22 конских костяка [20, с. 253]. А в 1959 г. Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством С.С. Сорокина был доисследован Берельский курган [3, с. 20].

Достижения С.И. Руденко не могут быть повторены в наше время как по общему объему полевых работ, так и по количеству найденного материала. По-прежнему все труды Сергея Ивановича остаются актуальными и востребованными многими исследователями для изучения культуры кочевых обществ Горного Алтая периода поздней древности [21, с. 60].

В 1952 г. в журнале «Советская археология» В.О. Витт опубликовал статью «Лошади Пазырыкских курганов». Она стала краткой сводкой двадцатилетнего изучения захоронений коней, в курганах Алтая. К серии из Первого Пазырыкского кургана были добавлены другие лошади из этого памятника, а также из кургана Шибе и рядовых погребений Арагола, Катанды, Бийска-Сросток, Куюма [12, с. 263]. С добавлением нового материала выводы, сформулированные автором в 1937 г., изменились. По его мнению, лошадь с высотой в холке 136–140 см – это основная порода приалтайских степей и предгорий, из «...недр ее самой» в результате изменчивости вида и различных условий существования выделились крайние типы. В результате тщательного анализа остеологического материала В.О. Витт пришел к выводу о существовании в стадах ранних кочевников как верховых, так и тягловых животных. Иппологом была предложена методика построения внутренней хронологии Пазырыкских курганов. За основу он взял правило, согласно которому лошадь в условиях гор обнаруживает тенденцию к измельчению и огрублению. Соответственно, в более ранних курганах должны были находиться более крупные кони, а в более поздних – мелкие [12, с. 193].

В.О. Виттом также была предложена схема «...деления ископаемых форм лошадей по их величине». Им выделено девять категорий роста и установлено, что определения высоты в холке по отдельным разрозненным костям лучше производить по длине лучевой и бедренной костей [12, с. 171]. Эта методика до сих пор не потеряла своего значения и используется при интерпретации получаемых в настоящее время результатов.

В 1952 г. вышла сводная статья В.И. Цалкина «К изучению лошадей из курганов Алтая», в которой учитывались данные о 23 лошадях из курганов рядовых кочевников по раскопкам С.В. Киселева. При анализе общих размеров черепов и их структурных особенностей исследователь отметил наличие резко выраженных различий, охватывающих целый

комплекс краниологических признаков. В.И. Цалкин распределил курганных лошадей на две хорошо обособленные группы: 1) среднелобые лошади плоскогорного типа, очень близки к тем, которые приводил В.О. Витт для коней «степной» группы, имеющих высоту в холке от 134 до 142 см; 2) узколобые – степного типа, составляющие основу конского поголовья Алтая того времени. Эти кони несколько уступали по росту «верховым» лошадям Пазырыкских курганов (148–150 см) [22, с. 154].

На основании этого В.И. Цалкин считал, что курганные лошади не представляют собой чего-либо единого в смысле породы, а принадлежат к различным типам домашних лошадей [22, с. 148]. Ученый провел сравнение коней из курганов Алтая с некоторыми современными аборигенными породами. Он выяснил, что среднелобые лошади из курганов схожи с современными казахскими, в то время как узколобые кони гораздо крупнее современных алтайских, монгольских и казахских.

В заключение своей работы В.И. Цалкин обратил внимание на патологические изменения, выразившиеся в деформации копыт и разрастании костной ткани на путовой и венечной костях, являющихся следстви-

ем очень интенсивной эксплуатации. Было высказано предположение, что в рядовых курганах захоронены наименее ценные особи [22, с. 154].

Таким образом, начальная история открытия и изучения Пазырыкских курганов с сопроводительным захоронением лошади может быть условно разделена на два периода. Первый из них – дореволюционный – связан с исследованиями В.В. Радлова на Катандинском и Берельском курганах. Тогда же были представлены некоторые реконструкции жизнедеятельности древних племен и сделаны выводы о роли коней в жизни кочевников. На 1920–1960-е гг. приходится следующий период исследований. В это время изучаются ныне всемирно известные «царские» курганы, в том числе с мерзлотой. В работах М.П. Грязнова, С.И. Руденко, С.В. Киселева даны интерпретации полученных материалов. В данный период обозначилась необходимость специального анализа сопроводительных захоронений лошадей для более полных реконструкций древней истории Алтая. Выходят иппологические исследования С.В. Афанасьева, В.О. Витта, В.И. Цалкина. Они заложили основу для работы с останками эквидов в последующие десятилетия.

Библиографический список

1. Тишкин А.А. Характеристика основного направления хозяйственной деятельности населения раннескифского времени Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул, 1996.
2. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003.
3. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. – Барнаул, 2004.
4. Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). – М., 1989.
5. Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. – 1928. – №2–4.
6. Баркова Л.Л. Погребение коней в курганах Шибе // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1979. – Вып. 1.
7. Грязнов М.П. Пазырыкский курган. – М.; Л., 1937.
8. Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. – 1929. – №11.
9. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л., 1950.
10. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л., 1949.
11. Китова Л.Ю. Значение Саяно-Алтайской экспедиции и исследований С.В. Киселева в изучении археологических памятников Сибири // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово, 2003.
12. Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. – 1952. – Вып. XVI.
13. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л., 1952.
14. Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л., 1948.
15. Руденко С.И. Пятый Пазырыкский курган // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1951. – Вып. 37.
16. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953.
17. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960.
18. Шмидт О.Г. Археологические исследования С.И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
19. Шмидт О.Г. Изучение хозяйственной деятельности древних и традиционных обществ в работах С.И. Руденко // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Кн. 1.
20. Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника (работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции) // Советская археология. – 1957. – №27.
21. Марсадалов Л.С. Вклад С.И. Руденко и ленинградских археологов в изучение Больших курганов Центральной Азии // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул, 2004.
22. Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы по археологии СССР. – 1952. – №24.